

ДОМ

С ЛИЛИЯМИ

ДОМ С ЛИЛИЯМИ

Елена Арсеньева

(по мотивам сценария Марии Бек и Елены Бойко)

ЧУЖОЙ МУЖ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Художественное оформление серии *А. Марычева*

Выражаем благодарность ООО «Медиа Фильм Интернешнл»
за предоставленный сценарий и кадры из телесериала «Дом с лилиями»

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Чужой муж : [роман] / Елена Арсеньева. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Всенародно любимый сериал «Дом с лилиями»).

ISBN 978-5-699-88873-3

Дом с лилиями переживает не лучшие времена. Улетел из него Костя, которого заставили жениться на обманщице. Устав от пренебрежения дочери, уходит из дома Тася и становится, как и обещала, женой нелюбимого Шульгина. И только Лиля, кажется, счастлива — ведь к ней приходит настоящая любовь! С замужеством, удачной беременностью. Но накануне родов Лиля узнает: Родион Камышев женат! Всё это время она жила с чужим законным мужем...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2015
© ООО «Медиа Фильм
Интернешнл», сценарий, кадры
из сериала, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-88873-3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Этот дом всегда оставался прекрасным. В снег и дождь, в метели, бури и солнечные деньки, в алом ореоле осенних кленов и в разливе весеннего цветения. И как же было хорошо качаться в старом-престаром гамаке в укромном уголке буйно разросшегося сада — и читать, или мечтать, или писать письма...

«Дорогой Котик! Ты помнишь, как я назвала тебя лучшим братом в мире? Так вот — беру свои слова обратно! Лучший брат хотя бы изредка интересовался судьбой своей сестры! Между прочим, я закончила третий курс. Без единой четверки! Приезжай! Приезжай скорей, целую, Лилька».

Как она соскучилась по Котьке... Три года не виделись. Сначала он уехал на Кубу, потом в Алжир. Мама все время пилит отца, чтобы пустил в ход связи, узнал, как у Кости дела, а еще лучше — чтобы добился перевода в Союз, но у папы один ответ: «Пусть служит! Раз не пишет, значит, нет такой возможности!»

Мама тоскует, конечно... Лиля тоже!

Но, может, и правда у Кости нет возможности писать? А получать письма родственников — есть? Дойдет до него это письмо?

Ну, чтобы дошло, его надо как минимум отправить!

Лилия свернула письмо и пошла домой за конвертом.

Клумба с лилиями по-прежнему цвела и сияла красотой. «Лилии цветут, и моя Лилия расцвела — не узнать!» — сказал недавно отец Варваре. С такой гордостью сказал!

Лилия поймала взглядом свое отражение в темном стекле.

Зря папа гордится. Не расцвела его лилия, а растолстела! Ну что за плечи?! И талии совсем нет... Худеть надо, но разве похудеешь на Варвариных пирогах, которые она чуть не каждый день печет? Особенно вишневый, ее фирменный... Это что-то страшное, а не пирог! Это просто враг, победить который можно только одним путем: уничтожив его как можно скорей! В смысле, слопав! Ну вот почему мамочка не толстеет даже на этих пирогах, а Лилию от них так и разносит? Жаль, что она уродилась не в маму, а, видимо, в отца. Он тоже раздобрел. Но ему это идет: солидности прибавляет. А ей только объемов да плохого настроения!

И вдобавок сейчас каникулы. Целыми днями дома, целыми днями пироги! Скорей бы снова в институт! Там столько волнений, столько сума-

тохи, да и в буфете есть совершенно невозможно, и в студенческой столовке, так что само собой худеется!

* * *

— Тасенька! — Шульгин, прихрамывая, с неизменной палкой, вошел в комнату и протянул жене галстук: — Видимо, никогда не научусь!

От него едва уловимо пахло «Шипром». В парадном костюме и дорогой светлой рубашке, он был как-то особенно моложав и привлекателен. А легкая хромота и палка придавали Шульгину даже некую загадочную элегантность.

«Удивительно красив все же Дементий! — подумала Тася. — Есть мужчины, которым возраст только придает обаяния. Вот он из таких!»

Тася вдруг осознала, как же ей приятно, что муж ее — такой видный, заметный мужчина. И принадлежит ей!

«Конечно, я люблю другого, — напомнила себе Тася. — Но все-таки... Все-таки хорошо, что у меня есть Дементий!»

Да, сегодня на вечеринке в партшколе он, конечно, будет самым красивым и элегантным! Какая у него чудесная улыбка, как ласково он смотрит... Жаль, что придется его сейчас огорчить.

Тася приподняла воротничок рубашки, завязывая мужу галстук, но Шульгин вдруг отстранился, оглядывая ее довольно скромное платье:

— Тасенька! А почему ты не при параде? Там же все коллеги будут со своими женами... Я тоже хотел похвастаться своей супругой!

Тася вздохнула:

— Дементий... Я не поеду. Я все равно в этой твоей партшколе никого не знаю.

Она осторожно затянула аккуратный узел галстука.

— Ну вот и хорошо, — все еще улыбался Шульгин. — Я тебя всем представлю. Похвасться, что у меня жена — студентка. Кстати, ты студенческий билет получила?

Тася кивнула и нахмурилась:

— Не надо, пожалуйста, я прошу тебя! И не говори никому! Я и так переживаю, что всю эту учебу не по годам затеяла!

Она еще раз поправила Шульгину и без того безупречные воротничок и галстук, застегнула пуговицы пиджака.

— Ну вот!

— Это я переживаю! — засмеялся Шульгин. — Я здесь, значит, вечерами куковать буду, а ты там в своем институте со студентами шуры-муры, да? — Быстро чмокнул Тасю в плечо, попросил жалобно: — Ну, может, все-таки передумаешь и поедешь?

— Нет, — стараясь говорить как можно мягче, ответила Тася.

— Ну ладно. — Голос Шульгина стал холодным. — Как знаешь. Тогда у меня еще есть время с Говоровым повидаться. Встречу назначил...

Тася резко выпрямилась, но промолчала. Схватила салфетку и принялась с ненужным старанием протирать и без того сверкающую хрустальную конфетницу.

— Передать что-нибудь? — едко спросил Шульгин, растравляя свои никогда не заживающие раны, и подумал, что Тася в хрустале сейчас дырку протрет.

Она пожала плечами:

— Нет, ничего не надо.

— И на этом спасибо... жена, — буркнул Шульгин и вышел.

Столько горечи прозвучало в этом слове — «жена», что у Таси дыхание перехватило.

«Ну я и дура же! — немедленно отругала она себя. — Опять я его обидела!» Повернулась вслед... Но так и не решилась окликнуть мужа, сказать, что передумала, что пойдет с ним.

С утра она сбегала в парикмахерскую и сделала прическу. Дементий, между прочим, даже не заметил ничего! А ведь теперь и помину не осталось от вороха кудрей, с которыми Тася никогда не знала как сладить! Волосы уложили гладкими прядями, красиво завивающимися на концах. Тася смотрела на себя в зеркало, хвалила парикмахершу, а сама вдруг поняла, что зря затеяла поход в парикмахерскую, потому что ни на какую вечеринку она не пойдет.

Нечего ей там делать! Стыда не оберешься! Со свиным-то рылом в калашный ряд...

Годы, пока Тася работала в доме Говоровых, была прислугой у собственной дочери, наложили на нее неизгладимый отпечаток. Она так привыкла оставаться в тени, помалкивать, что не могла преодолеть своего стеснения и боязни посторонних даже сейчас, после трехлетнего замужества.

Никто не знает, скольких душевных сил, какого напряжения воли стоило ей это поступление на заочное отделение в институт! На сборе группы она оказалась старше остальных и чуть не плакала, когда встречала чей-то взгляд. Ей чудилось, что все смотрят презрительно и насмешливо. Она и сама себя презирала и смеялась над собой!

Можно представить, что бы с ней стало среди разряженных дам, которых приведут с собой коллеги Дементия, преподаватели партшколы! Конечно, у Таси теперь такие платья, которым бы, наверное, даже Маргарита Говорова могла позавидовать: Шульгин балует ее необыкновенно и буквально завалил всякими нарядами. Но вдруг среди этих женщин на вечеринке окажется какая-нибудь особа, которая бывала в гостях в Доме с лилиями, и она узнает прислугу Говоровых? И пойдут сплетни...

Нет, ни к чему это. Ни к чему!

Тася сама себя уговаривала, но губы почему-то дрожали. Вдруг так захотелось праздника, красоты, бездумного веселья, захотелось в полутемном зале медленно кружиться под музыку в объ-

ятях мужа, который отлично танцевал, несмотря на хромоту!

Она даже себе не решалась признаться, что еще больше ей хотелось, чтобы Дементий, услышав, что она не пойдет, воскликнул бы: «Да и шут с ней, с этой вечеринкой! Я без тебя не пойду. Давай-ка лучше посмотрим, что там сегодня в кино идет? А то и просто дома посидим. Хочешь?»

Именно этого она и хотела. Но Шульгин ушел.

Он ушел веселиться, а она теперь сиди одна и жди!

Тася яростно отшвырнула салфетку.

Да что она вечно все начищает да натирает?! Вот уж правда что — была прислугой, прислугой и осталась!

Села за стол и открыла конспект. Поступила в институт — так учись!

* * *

Теперь первый секретарь горкома партии Михаил Иванович Говоров ездил на черной «Волге». Однако за рулем по-прежнему сидел незаменимый Егорыч.

Горячо расцеловавшись с ним (Шульгин не забыл, какую роль сыграл тот в его судьбе, не побоявшись в самый разгар бериевщины поехать в Москву и передать письмо Говорова Рокоссовскому!), Дементий Харитонович протянул руку старинному приятелю куда сдержанней и не без опаски. Никак не мог понять, зачем тому понадобилось настаивать на встрече.

Может быть, это как-то связано с Тасей? Что, если Говоров опять начнет говорить о своем желании вернуть Тасю? А если Тася потому отказалась идти на вечеринку, что задумала уйти от Шульгина — и не хочет понапрасну мелькать перед посторонними в качестве его жены?

Словом, Шульгин, накрутив себя, уже был готов к самому худшему, когда автомобиль остановился у городской столовой и Говоров предложил:

— Выходи. Пойдем-ка пообедаем!

— Спасибо, — отказался было Шульгин, — меня жена дома кормит!

Но Михаил Иванович настаивал:

— Пошли, пошли!

«Значит, не хочет при Егорыче заводить разговор!» — решил Шульгин.

Однако Говоров вдруг спросил:

— Егорыч, а ты что сидишь? Пойдем с нами!

— Нет, Михаил Иванович, помилуйте, — стонущим голосом отозвался шофер, — с меня прошлого раза хватит!

— Миша, у меня совсем нету времени, — попытался отказаться Шульгин.

Но Говоров властно подтолкнул его вперед:

— Пошли, сейчас сам все увидишь!

Они поднялись на крыльцо столовой — и отшатнулись, пропуская выходявшего мужчину, который вел на поводке громадную псину.

— Во! — удивился Говоров. — С собакой — в столовую!

Наконец они вошли в новое современное здание столовой, выстроенное, как слышал Шульгин, по проекту какого-то московского архитектора: чтобы и в Ветровске было все «как у людей».

Ну что, и в самом деле все было как у людей: широкие лестницы, облицовка и пол белые — «под мрамор», полированные перила, тонконогие столики с пластмассовыми столешницами и стулья с неудобными, зато очень нарядными разноцветными сиденьями. Имелось также мозаичное панно, изображавшее какую-то грудастую жизнерадостную особу в беленькой козыночке на фоне заводских труб и колхозных полей.

Панно, правда, было не столь большое, как в столичных кафе, но тоже — как у людей!

Впрочем, разглядывать интерьер особо не хотелось. Хотелось зажать нос и поскорей броситься вон.

Тут не просто плохо пахло. Тут воняло!

— Смотри, смотри! — воинственно воскликнул Говоров. — Нравится?!

— Да, — уныло кивнул Шульгин. — Особенно запах.

— Смотри! — снова призвал Говоров прокурорским тоном. — Грязь, мухи... Столы вот без скатертей. Салфетки видишь где-нибудь?

— Нет, — огляделся Шульгин.

— Салфеток нет! А еда!... — горячился Говоров.

Ринулся к стойке раздачи:

— Пойдем, покажу тебе. Мы с Егорычем заехали сюда случайно давеча. Так я чуть не отравился.

Он схватил с раздаточной стойки тарелку с чем-то... Шульгин затруднился бы определить, с чем.

— Ну-ка, понюхай! — Говоров сунул тарелку ему под нос.

Шульгин с отвращением сморщился.

— Эй! — раздалось вдруг возмущенное восклицание, и тощенькая кассирша обратила к ним сморщенное от негодования личико. — Вы чо хулиганите?! А еще приличные люди! Вы чего носы сюда суετε, а?!

— Вот это, — Говоров швырнул перед ней тарелку, — вот это что такое?!

— Это — рыба! — яростно рявкнула кассирша. — И пахнет она — рыбой! Потому что у нас сегодня рыбный день! Кушать будете?

— А рыба небось забыла уже, в каком году ее выловили? — насмешливо спросил Шульгин.

Кассирша смертельно обиделась:

— А ну давайте топайте отсюда! Повеселиться охота? У нас, чтоб вы знали, между прочим, не наливают!

— Ах, не наливают? — состроил жалобную гримасу Говоров. — Нет, это не для нас!

И потащил Шульгина к выходу.

— Нет, девочки, вы видели? Вы их видели?! — заорала вслед кассирша, но Говорова с Шульгиным уже и след простыл.

С наслаждением глотнув свежего воздуха на крыльце, сели в машину.

— Ну? — задорно спросил Говоров. — Что скажешь?

— А что? — пожал плечами Шульгин, который так и не понял, зачем совершил экскурсию по этой смрадной и грязной едальне.

— А то! — рассердился Говоров. — Не засиделся ли ты в своей партшколе, Дементий? Хочу, чтобы ты взял на себя потребкооперацию. А то, вишь, они мне рапортуют, мол, все в ажуре, а на проверку выходит — сам видел! Начальника их я уже погнал, к лешему, за плохое и неумелое руководство.

— Да ты что, — растерялся Шульгин, — я ничего в этом не понимаю!

Говоров презрительно хохотнул:

— Нет таких крепостей, Дементий, которые не взяли бы большевики! Разберешься! Хозяйство у нас огромное: семьдесят девять потребобществ. Почти полтыщи магазинов, ларьков, лавок...

Шульгин порывался что-то сказать, но остановить Говорова было невозможно:

— ...тридцать девять предприятий общественного питания. Базы, хлебопекарни! Пятнадцать лет, как война закончилась, а мы вот только-только выходим на довоенный уровень! А народ должен жить хорошо!

Говоров почти кричал, и Шульгин поглядел на него изумленно: такого пыла он не ожидал.